

Вика ли?

Форд и шестёрка

пишем вместе в марте

Виктория Александровна Миско

Форд и шестёрка

Серия «Один рассказ в месяц», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64727806

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот рассказ мы написали вместе с моими подписчиками в Инстаграме*. В течение месяца я устраивала опросы у себя в сторис, и они выбирали, как будет развиваться сюжет. И так в марте появилась эта история о прощении на встрече выпускников.*В 2022 году Инстаграм признали экстремистской организацией и запретили деятельность на территории РФ.

Виктория Миско Форд и шестёрка

Благодарю.

Лиза посмотрела в зеркало заднего вида и потрогала свои волосы, будто бы видела их в первый раз. На руках остался липкий след от лака, и она тщательно протёрла ладонь влажной салфеткой. Упаковка «антибактериальных, с зелёной птичкой» всегда лежала в кармашке водительской двери. Папа не признавал других.

Лиза знала, что высокие причёски ей не идут, как и бордовая помада, и голубые стрелки. Но Маруся очень старалась, а расстраивать сестёр в их семье было не принято.

По мнению главного стилиста семьи Фирсовых такой образ должен был подчеркнуть все сильные стороны во внешности Лизы: выразительные скулы, миндалевидные карие глаза и пышные губы. Сестра так рьяно орудовала кисточками, пудрой и лаком, что Лиза сразу поняла, что дело плохо. Сегодня ей меньше всего хотелось быть похожей на девушку на выданье, но сестра всегда думала другими категориями. И получилось то, что получилось.

Лиза выдавила из себя подобие улыбки и удручённо покачала головой. Не надо было соглашаться, не надо было. Не виделись 15 лет, не надо было и начинать.

Она вышла из отцовского форда на весеннюю улицу и по-сильнее запахла пальто. В этом дворе всегда было ветрено, несмотря на время года. Сюда редко попадало солнце и возле подъездов и по обочине дороги так и лежал февральский потемневший снег. Лиза огляделась по сторонам и помахала пожилой женщине, которая сидела на лавочке у углового подъезда.

– Маргарита Степановна, здравствуйте!

Женщина прищурилась в попытке разглядеть приближающегося к ней человека, тяжело вздохнула и поднялась со скамейки. Подойдя ближе, Лиза подхватила ходунки, которые скользили по мёрзлой земле, и дружелюбно улыбнулась.

– Здравствуй, Елизавета, – буркнула женщина и покрепче ухватила за лизину руку. – Это не март, а чёрт-те что.

Она плюнула в сторону сугробов, которые примостились на клумбах, и осторожно зашагала в сторону машины.

– Замёрзли? – Лиза чувствовала, как ногти впиваются в её предплечье.

– А ты как думаешь, Елизавета?! Посмотри на эту погоду!

– Так я же вам звонила, – начала оправдываться Лиза, – я же сказала, что позвоню вам, когда закончу в Сосновке. Вы, наверное, не так поняли...

Ходунки оставляли на талом снегу круглые следы. Маргарита Степановна тяжело дышала.

– Я ждала Настю. Настя никогда не опаздывает, – сказала она, делая внушительные паузы, чтобы перевести дыха-

ние. – Это непозволительно заставлять пожилую женщину ждать на морозе.

Лиза почувствовала, как беспричинный стыд наполняет её тело. Отец всегда говорил, что старшей дочери нужно работать с людьми, но он же одарил её гипертрофированным чувством ответственности за эти незнакомые ей жизни.

Когда они остановились возле машины, тонкие кеды Маргариты Степановны с надписью «Abibas» окончательно промокли, и Лиза не смогла не внести это в список своих промахов.

– И что это за драндулет, извини меня? – сказала Маргарита Степановна, выпустив руку Лизы. – Как, скажи на милость, я в него влезу?! У вас что там проблемы с машинами?

Женщина махнула рукой в неопределённом направлении, где, по её мнению, видимо, находился несуществующий автопарк фонда.

Лиза посмотрела под ноги. Снег, смешанный с грязью, проседал под подошвой. Промозглый ветер пробрался под пальто, коснулся ситцевой блузки, замер возле жемчужного ожерелья, которое должно было «особо подчеркнуть изящность лизиной шеи». Сегодня всё пыталось напомнить Лизе, что хвастаться-то ей особо нечем. Она даже не смогла одеться так, как хочет. Да она и не знала, как ей хочется одеваться.

В свои 33 года она привыкла больше слушать, чем высказываться. Причёска, макияж – всё это говорило лишь о том,

кем ей хотелось казаться. Кто она на самом деле можно было понять по ссутуленной фигуре, замершей у машины в поисках ключей.

– Я всё-таки хотела бы сесть в машину, – ехидно заметила Маргарита Степановна и впервые внимательно взглянула на девушку, которая обыскивала карманы своего пальто.

Её глаза вдруг слегка расширились от внезапно напавшей радости узнавания, уголки губ с непривычки едва заметно дёрнулись вверх, и она уже собралась сказать что-то необычное для себя, но Лиза, наконец, отыскала ключи в карманах брюк.

Девушка быстрым шагом обошла машину, открыла пассажирскую дверь и подала Маргарите Степановне руку. Пожилая женщина осторожно опустилась на сиденье. Лиза сложила ходунки, ловко приподняла их, отряхнув от снега, и положила на заднее сиденье рядом с большой аптечкой первой помощи.

В салоне пахло лекарствами и мятными конфетами. На зеркале болтался неумело связанный брелок, напоминающий то ли птицу без крыльев, то ли гнома без ног. К солнцезащитному козырьку были приспособлены несколько икон, взглянув на которые Маргарита Степановна вежливо перекрестилась.

– Это же не твоя машина, да? – переспросила она, обведя салон автомобиля неопределённым жестом.

От этого вопроса Лиза напряглась, крепче вцепилась в руль и несколько раз многозначительно моргнула.

– Моя, – сглотнула она.

– Как же, – недоверчиво протянула Маргарита Степановна, покосившись на иконы. – И кто же это по-твоему?

Лиза проследила за указательным пальцем пожилой женщины, который уткнулся в солнцезащитный козырёк.

– Кто это? – показала она на одну из икон, украшенную янтарём.

– Троица, – ответила Лиза первое, что пришло в голову.

Маргарита Степановна подсобралась и приняла вид разочарованной учительницы.

– Неа.

Лиза уставилась на дорогу, безосновательно надеясь, что за время её молчания поднятая тема потеряет свою актуальность.

– Это Николай Чудотворец, – гордо проворчала Маргарита Степановна.

Её голос осип, и она громко закашляла. Лиза по привычке бросила взгляд на заднее сиденье, припоминая, есть ли в её аптечке средство для купирования приступа астмы. Женщина, быстро перекрестившись, проследила за её взглядом и обиженно отвернулась к окну.

– Не бойсь, Елизавета. Я не собираюсь сегодня помирать. Только не в марте, только не в такой мерзкий день.

Лиза кивнула, снова сглотнула ком, подступивший к гор-

лу. Уже давно должно было стать легче. Но не становилось.

Лиза любила март.

34 года назад в марте её родители поженились. В тот день шёл дождь, и гости говорили, что это на счастье. Лизина мама до сих пор шутит, что если они подразумевали под счастьем свадебное платье, подол которого стал чёрным от весенней грязи, то они были правы. Лизина мама очень много шутит, но люди, на самом деле, были правы.

Родители Лизы были счастливы. И до брака, и в браке, и после него. По крайней мере они очень хорошо изображали счастье.

Они развелись, когда старшей дочери было 17 лет. В тот мартовский день светило солнце, и родители весело шурились, глядя друг на друга в дверях ЗАГСа. Рядом стояли три девочки – их дочери, которые только учились быть счастливыми. И всё было хорошо.

Лиза любила март, потому что именно в марте она верила в любовь. Тогда, стоя у дверей ЗАГСа рядом с родителями, она слишком отчётливо видела в глазах отца нескрываемую любовь к этой женщине в брючном костюме, которая в тот день перестала быть его женой, но не перестала быть любовью всей его жизни. Однажды он взял на себя ответственность за неё и не собирался отпускать. Мама смеялась, шутила, чему-то необъяснимо радовалась, а он просто тихо улыбался, продолжая ей уступать.

В марте Лизе очень хотелось любить, но она боялась той боли, что заставляет улыбаться, когда хочется рыдать.

Маргарита Степановна поёрзала на сиденье, открыла бардачок, изучила его содержимое, достала оттуда упаковку мятных леденцов, потрясла её в руке и положила обратно. Тишина давила на неё, и она снова обвела взглядом салон автомобиля в поисках темы для разговора.

– Так и чья же это машина? – бросила она как бы случайно.

Лиза глубоко вздохнула и потрогала волосы. Пальцы снова стали липкими.

– Покуда я знаю, в вашей организации все работники ездят на личных автомобилях, потому что я бы не хотела, чтобы меня вёз человек, который впервые сидит за рулём незнакомой машины. Не то чтобы я хотела пожаловаться, – тараторило женщина, – но я знаю, что у вашего поколения не в почёте религия и... мятные леденцы, – добавила она после небольшой паузы.

Маргарита Степановна выжидающе посмотрела на Лизу. Не для того она произнесла этот монолог, чтобы эта девчонка так и продолжила молчать. Что за молодёжь пошла!

– Я бы хотела, чтобы ко мне относились с уважением, – вставила она свою коронную фразу. – Я прожила долгую жизнь и теперь...

– Это машина моего отца, – слишком спокойно ответила

Лиза.

– Ну наконец-то! – Маргарита Степановна с облегчением выдохнула, будто бы эти слова были решающими. – Теперь-то я буду спокойна! Ведь ни один здравомыслящий отец не доверит машину ребёнку, у которого руки растут не из того места. Значит, водить ты умеешь! Ведь твой отец относится к здравомыслящим людям?

Она наклонила голову набок довольная своим остроумием, и только сейчас заметила в глазах девчонки слёзы. Они застыли возле ресниц, выкрашенных чёрной тушью, и дрожали в такт движению автомобиля.

Лиза по привычке закусил губу, вцепилась в руль и очень постаралась не думать ни о чём, кроме дороги. Этот маршрут она знала, как свои 5 пальцев. Ей нужно просто выполнять свою работу, просто жить дальше.

Маргарита Степановна не относилась к категории тактичных людей. Она обычно не лезла за словом в карман и всегда говорила то, что думает. Этим она покорила каждого из своих мужей, этим же отпугнула повзрослевшего сына. Это было её смыслом жизни – говорить людям то, что она о них думает. Только не молчать, ведь молчание разрушает.

Но эта девушка сразу ей понравилась, и вся невыговоренная обида на жизнь куда-то пропала. Она верно пыталась отыскать в себе что-нибудь едкое, но слова пропали, и Маргарита Степановна растерянно отвела глаза.

Шоссе сменилось узкой дорогой в жилом районе, и Лиза сбросила скорость. Маргарита Степановна была права. Отец не пустил бы Лизу за руль, если бы не был в ней уверен. Когда болезнь начала несправедливо лишать его сил, старшая дочь стала его ногами.

В 18 лет Лиза устроилась на работу в фонд и стала помогать маломобильным гражданам. Она привозила продукты, выбрасывала мусор, выбивала у администрации города пандусы и новые инвалидные коляски, а пока таскала на руках по лестнице людей вдвое старше и вдвое легче себя. Делала всё, чтобы они жили достойной жизнью, чтобы они ели фрукты и овощи и хотя бы раз в день выходили на прогулку.

Волонтёры в фонд приходили и уходили, а Лиза так и продолжила работу и после того, как 5 лет назад умер её отец. То ли это стало привычкой, то ли зависимостью, то ли выражением любви. Вместо слов, которые они с отцом так и не успели другу другу сказать.

Так фонд стал её жизнью.

Знакомые действия, знакомые маршруты. Просто продолжать жить.

Машина остановилась возле входа в поликлинику. Лиза включила аварийку, глубоко выдохнула и с улыбкой посмотрела на Маргариту Степановну.

– Вот и приехали!

Женщина подняла глаза и недовольно взглянула на серое

здание в окружении голых деревьев.

– Только и осталось, что радоваться этому, – буркнула она, но в её голосе не было желания съязвить и показаться злее, чем она есть на самом деле. Она просто констатировала факт своей жизни. Неизбежный, честный, так и не принятый, непрощённый.

Женщина кивнула и закрыла солнцезащитный козырёк с иконами, и в ответ Лиза тихо прикоснулась к её руке. С непривычки Маргарита Степановна вздрогнула, бросила на девушку растерянный взгляд.

– Я подожду вас, а потом поедem на вечеринку, – неожиданно для самой себя произнесла Лиза.

Пожилая женщина прыснула от смеха.

– Эх, Елизавета, ну насмешила бабку! Вечеринка! А то молчала всю дорогу, шутница, ёлки-палки!

Она принялась часто хватать воздух ртом, продолжая смеяться.

– Старуха еле из дома вышла, а ты! Вечеринка! Ох я представляю!

– Смотрите, что у меня есть!

Лиза достала с заднего сиденья сумку и протянула Маргарите Степановне косметичку, на всякий случай собранную сестрой.

– По мне, конечно, видно, что я не специалист по макияжу, но что-то да придумаем.

Женщина вдруг перестала смеяться и в недоумении по-

смотрела на девушку, будто бы та предложила ей что-то непристойное.

– Ты что ж это...

– У меня встреча выпускников, – весело хихикнула Лиза, и ей стало чуть-чуть легче. – Как вы относитесь к столовской еде?

Маргарита Степановна продолжала смотреть на Лизу, ожидая когда эта шутка закончится.

– Серьёзно что ли? – хмыкнула она, не подавая виду, что яркая надежда уже поселилась в её скупом сердце.

– Ну так, – пожала плечами Лиза и кивнула в сторону поликлиники. – Так что одна нога там, другая здесь.

Маргарита Степановна взглянула на девушку и молча кивнула. Она была наслышана про эту сумасбродную девчонку из фонда, но чтобы вечеринка! Встреча выпускников! Уголки её губ приподнялись и задержались в таком положении на несколько десятков секунд. С непривычки скулы ныли, а сердце в груди ходило ходуном.

Лиза открыла дверь и помогла Маргарите Степановне выйти из машины. В воздухе пахло весной, а она ведь уже и забыла, как любит этот запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.